Ульянов Мих.

19/X-87

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

С ЛЮДЬМИ И ВРЕМЕНЕМ

ДВА МОНОЛОГА В КАНУН ДНЯ РОЖДЕНИЯ

И. ВИШНЕВСКАЯ,
доктор искусствоведения:

— Дорогой Михаил Александрович Ульянов! Старый друг Миша!

Пользуясь случаем — беседой о жизни, об искусстве,— поздравляю тебя с наступающим днем рождения. Конечно, можно сказать банальность — не так уж это и много, шестьдесят лет. Ты в расцвете творческих сил, в зените актерского успеха, на гребне общественной волны, в фокусе важных государственных дел и забот. Но на самом-то деле шестьдесят — немало, диалектическое это, тревожное мгновение жизни. Возвышает упругая зрелость мысли, безотказным становится профессионализм, не надо больше думать о самоутверждении, все только и ждут твоего самовыявления. Но бьет и бьет молоточками в виски — не сделано, не сделано, уже не будет сделано, ушло время, на что же оно ушло? И обещаешь, что вот завтра, с утра, словно йог, уйду в нерастраченность, в совершенствование, в неотдачу, нераздачу себя суете.

Но наступает завтра, зачинается утро, звонит телефон, звенит жизнь, зовут люди, заходят просьбы, зазывают аудитории, заручаются согласием выступить, встретиться, и ты снова «задействован» вокруг профессии...

Но прочь грустные размышления. Все же шестьдесят для артиста — действительно немного. Ведь столько проживает он судеб в каждый свой художнический вечер, столько вбирает в себя чужих биографий, столько одолевает гастрольных географий, столько впускает в сердце страданий и радостей, что каким-то колдовством искусства иногда и сохраняет себя: отдавая, ведь получаешь сторицей, творя образы, не разрушаешь, не укрепляешь, наращиваешь образ свой. Будем верить, что ты рассчитан надолго, хорошей выделки, народной закалки, сибирской породы, крепких нравственных основ, небеготни за славой — всего этого, что так вдосталь есть у тебя, как видно, еще хватит и хватит на новые шестьдесят.

Вот уже многие годы беседуем мы о смысле искусства и, как полагается критику и актеру, часто спорим, не соглашаемся друг с другом. Попробуем сейчас поговорить не «диалогом», но «монологами»: я — ты, и вдруг сложится нечто существенное для дела.

Не стану перечислять все твои роли в театре и в кинематографе, для этого потребовалась бы целая книга. Но ясно одно — именно в творчестве сказал ты столь многое, так глубинно и сердечно определил время, что характеры, созданные тобой, стали одновременно и художественными, и политическими выступлениями.

И действительно, сыграв некогда в фильме «Председатель» классического своего Трубникова, ты ведь уже тогда сказал о людях фанатического, неостановимого действия, о людях, ломающих границы возможного и добивающихся своих целей, несмотря ни на какие препятствия. «Я уверен в необходимости таких людей,— говорил ты тогда,— если не они, то кто же будет делать жизнь, кто поплывет против течения». Мы страдали, глядя на твоего героя, плакали, стискивали зубы, и подчас слабые становились сильнее, сами «впрягались», как и твой Трубников, в новые и новые острейшие житейские социальные коллизии.

И действительно, сыграв Дмитрия Карамазова в фильме «Братья Карамазовы», ты ведь уже тогда рассказал людям о великой, поистине русской национальной возможности безоглядного покаяния, нравственного возрождения чистого человека, запутавшегося в человеческих мерзостях.

А роль маршала Жукова, которая стала как бы второй твоей жизнью? И не в этой ли роли был одержим твой герой одной заботой, одной страстью — освободить народ, не пустить фашизм на родную землю. Перед нами был человек, «ужаленный» болью народа и потому забывший себя, отбросивший жалость бытовую ради милосердия высшего, тревоги сиюминутные ради забот глобальных, одобрение частное ради спасения целого.

И совсем недавно видела я тебя в новой роли — роли Ленина из спектакля «Брестский мир» М. Шатрова на вахтанговской сцене в режиссуре Р. Стуруа. Какой поистине трагедийный это образ в твоем исполнении, трагедийный, как понимали трагедию все великие художники, когда накал страстей, мыслей, противоборств — не тяготит, не омрачает, но просветляет душу надеждой. Такая титаническая мечта сделать человечество счастливым, какая владела Ильичем, не может ни исказиться, ни повести по другому пути — все равно на ленинский путь вернутся.

И, однако, в последнее время ты все чаще и чаще говоришь о том, что одно лишь искусство бессильно переделать жизнь, что есть моменты, когда необходимо личное гражданское вмешательство в конфликтные коллизии бытия.

И, однако, в последнее время ты все чаще раздражаешься, когда напоминают тебе о «красоте жизни», ведь столько в ней еще некрасоты, говоришь ты, с которой надо и надо бороться.

А я не согласна с тобой ни в том, ни в другом случае.

Искусство, думаю я, если оно подлинно,— всесильно; тем, кому дано выразить в нем правду и боль времени, уже не надо никаких «добавок» ни в выступлениях на трибунах, ни в статьях в журналах и газетах. Эти художники и так — лицо своего исторического дня: в образах, метафорах, обобщениях, в умении слышать и отражать все противостояния своей эпохи. И, быть может, «Записки охотника» Тургенева, никогда не выступавшего по поводу отмены крепостного права в качестве публициста или оратора, сыграли куда большую роль для падения рабства, нежели десятки и сотни самых прогрессивных публицистических выступлений.

И мне искренне жаль, что ты отворачиваешь свое лицо от прекрасного лица нашего современника, даже ради самых необходимых обличений зла. Ведь ты, как никто другой, знаешь жизнь и ее впередсмотрящих людей. Сколько раз повторял ты, что любишь «самостоятельных», «головастых» мужиков, имеющих свой «окоп», то есть твердые жизненные позиции. И не о них ли пришло опять время рассказать со сцены, с экрана?

М. УЛЬЯНОВ,
народный артист СССР:

— Благодарю за поздравление, но, как сказано в одном из романов Толстого, день рождения — такой же день, как другие, в который надо работать. А если по делу, то как же надоело мне все это слушать — искусство всесильно, надо говорить о добре, не хватит ли злых эмоций, не стоит ли утишить наконец так и кипящее негодование, когда видишь обнаглевший бюрократизм, укрепившееся чиновничество, окостеневшее руководство творческими нашими делами. Борьба рождает сопротивление. Перестройка — торможение. Тут ни на секунду нельзя отступить. Тут, если ты понимаешь смысл происходящего, надо, как комбату на фронте, вести людей за собой. Да и не хочу я быть сейчас лицедеем, не хочу входить по телевидению в интерьеры взяточников и хапуг, чтобы развлекать их своим искусством, не хочу, чтобы они в пижамах и тапочках на фоне «неосоветского» своего миллионерства сыто похваливали меня за вахтанговское умение воплощаться и перевоплощаться.

Бывают такие мгновения в истории, когда художник не может молчать, именно как гражданин. Мучительно хочется сбросить с себя одни только творческие заботы и напрямую, без линии рампы, как бы ни называли ее линией фронта, выйти к людям. Я ни в коем случае не сравниваю себя с Блоком, и все же хочется вспомнить, как говорил он об особой «практической» деятельности художников в часы революционных потрясений. Именно такой «практический» подход лежал, возможно, в горячей деятельности Блока в качестве председателя репертуарной секции Петроградского театрального отдела Наркомпроса, а затем председателя управления Большого драматического театра. Это ему, гению, создателю поэмы «Двенадцать», искусство в определенные исторические часы представлялось тесным, что же говорить нам, смертным.

Как настойчиво хочется подчас обратиться прямо к человеку, поделиться с ним своей болью, своим гневом, если бьешься головой в непроломную стену штампов, привычек, нежеланий сдвинуться с места. Вот и выступаю, вот и пишу, вот и встречаюсь с разными аудиториями, занимаюсь вроде бы не свойственным артисту делом, а иначе не могу. Думаю, что личность актера — это степень его созвучия духовному настрою своего времени. Вот ты говоришь — выражать все свои гражданские чувства через искусство. Но где же они, эти пьесы, сценарии, в которых было бы сказано о жизни так, чтобы сразу слились радость и ненависть, чтобы правда не раскрашивалась иллюзиями и не перекашивалась мелочами? Как удивительно редки сейчас эти сильные правдивые пьесы! Вот и вылазишь из всего этого подчас недокроенного материала драматургии прямо в саму жизнь, может быть, хоть с трибуны удастся глаза — в глаза, душа — в душу.

Да, многие дела, которыми приходится заниматься, хлопотливы и утомительны. От них устаешь, они требуют времени и внимания. Зато неизмеримо возрастает ощущение сродненности с действительностью, укрепляется знание жизни. Я бываю и в учреждениях, и на заводах, и в судах, и в выборных инстанциях, встречаюсь с разными людьми, вхожу в круг их интересов, забот, нужд. Это чрезвычайно полезно, ведь мир театральных кулис довольно скоро исчерпывает себя. Жалуемся на суету будней, но, когда оглядываешься на «посторонние» дела, которыми занимался, видишь, что они помогли тебе лучше понять события жизни, ее положительные и отрицательные стороны, образ мыслей и чувств сегодняшнего человека. Актеру вариться только в своем профессиональном котелке попросту невозможно. Все другие интересы и обязанности, и особенно те из них, которые принято называть общественными, относятся к жанру «хождение по жизни», обеспечивающему надежную связь художника с временем и людьми.

Это прекрасное чувство единения с народом, братства, ощущения, что ты кому-то нужен. Ну, конечно, это и страшно, страшно, когда становишься нужным вроде бы всем — как тут сохранить творческий свой мир; подчас и раздражаешься, и прячешься, и кубарем слетаешь с лестницы — так и чудится, что на каждой ступеньке кто-то поджидает с просьбой, с настойчивой просьбой выслушать, помочь. А потом преодолеваешь раздражение — а как же не выслушать, а как не помочь — ведь русский актер играет сердцем, значит, сердце должно быть открыто людям.

Актер — это полпред зрителей из жизни и в жизнь, хорошо бы, конечно, чтобы на сцене, на экране была эта правдивая жизнь, но тем не менее нельзя уходить и от встреч «напрямую», особенно сегодня, когда сама действительность — такая страстная, такая конфликтная драматургия.

И. ВИШНЕВСКАЯ:

— Ну что же, Михаил Александрович, вроде оба мы в конце концов говорили об одном и том же — о том, как это прекрасно, когда существует искусство, вбирающее в себя не только конкретный факт, но и общий смысл жизни.

...А жизнь продолжается.

Фото В. Мастюкова (ТАСС).